

ной подготовки женщин. В свою очередь, появление новой техники на предприятиях, введение механизации, автоматизации открывали путь к освоению новых профессий, который лежал через организацию профессионально-технической подготовки работниц.

Новые богатейшие возможности для повышения квалификации женского труда связаны с реконструкцией народного хозяйства. Изменение технологии производства открыло для женщин путь к освоению новых профессий. Так, если тяжелая работа клепальщика была для женщин недоступной, то применение женского труда на автогенной и электрической сварке получило большое распространение.

К недостаткам в деятельности по повышению квалификации женских рабочих кадров относятся слабое внимание к данному вопросу со стороны профсоюзных и хозяйственных организаций, использование женщин не по квалификации, отказ от приема на работу квалифицированных работниц.

Решение задачи насыщения народного хозяйства кадрами, способными овладеть новой техникой явилось решающим условием увеличения производительности труда, повышения темпов роста тяжелой промышленности во второй пятилетке.

Примечания

- 1 Профсоюзная перепись 1932–1933 гг. Вып.1. М., 1934. С.23.
- 2 За промышленные кадры. 1934. № 5–6. С.73
- 3 Статистический справочник. Вып. 1(3). М., 1936. С.23.
- 4 Периодизация предложена А.В.Бакуниным в монографии «Борьба большевиков за индустриализацию Урала во второй пятилетке». Свердловск, 1968. С.156.
- 5 Индустриализация СССР. 1933–1937 гг. Док. и мат-лы. М., 1971. С.395.
- 6 Технический экзамен на предприятии. Рабочие Уралмаша и ГТЗ. М., 1934. С.17.

*Воробьев С.В.
(Екатеринбург)*

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ КОММУНИСТОВ СРЕДНЕГО УРАЛА В НАЧАЛЕ 1920-х гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАРТИЙНОЙ ПЕРЕПИСИ 1922 г.)

Революционная эпоха оказала существенное влияние на социальную структуру российского общества. Она уничтожила или значительно со-

кратила одни социальные классы и группы и выдвинула другие. Социальные катаклизмы этого исторического периода в жизни России не прошли мимо и самой большевистской партии – той политической силы, которая во многом способствовала этим изменениям. В первую очередь в послереволюционный период меняется социальный состав РКП(б).

Процессы социальной трансформации отразились на социальном портрете коммунистов Екатеринбургской губернии. Первичные материалы партийной переписи 1922 г. позволяют установить социальное происхождение членов партии, так как содержат сведения о социальном статусе его родителей и деда (табл. 1).

Табл. 1.

**Социальное происхождение коммунистов
Екатеринбургской губернии, %**

Социальная группа	Дед коммуниста	Отец коммуниста	Коммунист
крестьянин	63,4	51,2	15,0
рабочий	28,9	35,1	12,9
ремесленник-кустарь	2,5	5,0	-
торговец, купец	0,8	0,4	-
служащий	2,5	4,9	16,7
священнослужитель	0,9	1,2	-
чиновник (руководитель)	0,9	1,7	37,1

Данные таблицы показывают, что из всех социальных групп наибольший масштаб социальной мобильности наблюдается у коммунистов – выходцев из рабочей и крестьянской среды. Среди них больше всего процентная доля тех, кто сменил, по сравнению с отцами и дедами, свой социальный статус.

Направление и характер социальной динамики внутри партии позволяет судить о ее социальной природе и популярности в обществе на различных этапах ее существования. В связи с этим обратим внимание на то, представителями каких социальных групп и слоев являлись коммунисты Екатеринбургской губернии до 1917 г. Представителями рабочего класса в дореволюционный период являлись 43 % губернских коммунистов. Большинство из них относилось к числу квалифицированных рабочих. Вторую по численности группу составляли коммунисты, занимавшиеся до революции крестьянским трудом – 33,7 %. К катего-

рии средних слоев (ремесленники-кустари, мелкие торговцы) принадлежало 10 %, чиновниками и служащими государственного и частного сектора (занимавшиеся конторско-канцелярским или физическим трудом) были 10,4 % коммунистов губернии.

После революции произошли существенные изменения в социальном положении губернских коммунистов. Во-первых, среди них уже отсутствуют люди, которых можно было бы отнести к категории «средних слоев» общества, хотя в результате новой экономической политики большевиков в социальной структуре российского общества вновь возникает слой частных предпринимателей – «нэпманов» мелкой и средней руки. Однако, представители этого социального слоя вступить в коммунистическую партию возможности не имели, даже если бы у них возникло подобное желание. Официальное партийное руководство занимало по этому вопросу однозначно жесткую позицию, заключающуюся в строгом соблюдении классово-чистоты партийных рядов, ограждение партии от «мелкобуржуазного заражения».

Обращает на себя внимание тот факт, что в послереволюционный период в 3 раза сократилось число коммунистов-рабочих, непосредственно занятых на производстве – всего 13 % от общего состава. В то же время, если до 1917 г. чиновниками и служащими являлись лишь немногие члены партии (приблизительно 1/10 часть), то после Октября 1917 г. ситуация начинает изменяться. К 1922 г. в категорию «руководителей» в структурах новой власти входила уже 1/3 коммунистов губернии. Это свидетельствует о том, начинается процесс формирования нового правящего слоя советского строя, так называемой «номенклатуры». Этот новый социальный институт, получил свое официальное оформление несколько позже – в ноябре 1925 г., когда Оргбюро ЦК приняло положение о порядке подбора и назначения работников и номенклатуры должностей¹. Т.П.Коржихина и Ю.Ю.Фигатнер дали следующее определение номенклатуры: «Номенклатура – это перечень наиболее важных должностей в государственном аппарате и общественных организациях, кандидатуры на которые предварительно рассматривались, рекомендовались, утверждались и отзывались партийными комитетами – от райкома, горкома до ЦК» партии². Номенклатура представляла собой управленческую группу, представители которой не выбирались, а назначались партийными органами. В состав номенклатуры конечно же включались и партийные работники.

Служащими различных партийно-советских и государственных учреждений и ведомств являлись 18,7 % коммунистов губернии. Следовательно, партийная организация Екатеринбургской губернии в 1922 г. наполовину состояла из руководящих работников разных уровней и служащих. Численность коммунистов-крестьян сократилась в 2 раза по сравнению с 1917 г. (до 15 %).

Удельный вес рабочих и крестьян по социальному положению на начало 1922 г. в составе губернской организации РКП(б) сократился за счет их перехода в категории номенклатурных работников и служащих партийно-государственной сферы, хотя в большей степени этот процесс коснулся рабочих. Лицо губернского коммуниста начинало приобретать номенклатурно-бюрократические черты, утрачивая рабоче-крестьянские.

Такое массовое изменение коммунистами социального статуса было связано с кадровой политикой руководства РКП(б), которая проводилась в послереволюционные годы. В царский период партия большевиков действовала как небольшая, сплоченная группа профессиональных революционеров, нацеленных на совершение революции в форме политического переворота. После прихода к власти, когда партия стала структурообразующим элементом «пролетарского» государства возникла необходимость поставить под контроль и влияние партии государственные институты и общественную сферу (профсоюзы и другие общественные организации). Добиться этого можно было только путем назначения на ответственные посты разных уровней в этих структурах членов партии, которые используя свои властные полномочия, проводили бы в них линию партии большевиков, а РКП(б) в первое время своего правления не обладала значительными людскими ресурсами, ее партийный резерв был незначительным. Эта проблема решалась за счет приема в партию значительного числа новых членов из рабочих и частично беднейшего крестьянства, которые затем рекрутировались на работу в партийный и государственный аппарат, общественные организации, промышленность и т.д. Таким образом, политика насыщения структур государственного управления всех уровней членами правящей партии носила совершенно сознательный и целенаправленный характер.

В течение пяти послереволюционных лет более трети губернских коммунистов (36,3 %) не проявили социальной мобильности или эта мобильность носила горизонтальный характер. Это означает, что они в

первом случае не изменили свой социальный статус, оставшись в рамках своей профессии или должности на прежнем месте работы, а во втором – сменили профессии на другую, перешли с одной должности на другую, но в пределах того же социального статуса. Но все же для большинства губернских членов РКП(б) в этот период была характерна социальная динамика.

Большой интерес в плане выяснения характера и сущности социальной мобильности внутри партии в ходе революции и последующих лет вызывает изучение вертикальной мобильности, т.е. перемещение человека из одной социальной страты (класса, группы, слоя) в другую³. Вертикальная мобильность проявляется с особой силой и приобретает важное значение именно в периоды кардинальных социально-политических потрясений. «Изучение вертикальной мобильности внутри политических стратификаций разных стран, – отмечал известный русский социолог П.Сорокин, – обнаруживает периоды особенно ярко выраженных перемещений. В истории России такими периодами были: вторая половина XVI в. – начало XVII в. (правление Ивана Грозного и последующее междуцарствие), царствование Петра Великого и, наконец, последняя русская революция»⁴.

При анализе вертикальной мобильности губернских коммунистов в 1917–1922 гг. необходимо обратить внимание на два момента: во-первых, на степень ее интенсивности у разных социальных групп, за счет которых формировалась партия, на отсутствие или наличие карьерного роста и его направление, и во-вторых, на характер и тип карьеры (восходящая, нисходящая). В первом случае имеет смысл выделить минимальный и максимальный социальные статусы коммунистов. Минимальный статус характеризует наименьшую ступень социальной лестницы, а максимальный – наибольшую, которую мог занимать коммунист в период с 1917 по 1922 г. Причем необязательно, что переход от одного статуса к другому был последовательным, он вполне мог быть и скачкообразным. на момент опроса

Коммунисты Екатеринбургской губернии повышали свой социальный статус главным образом за счет перехода в категорию руководящих работников различных уровней власти (41,8 %). Наиболее часто подъем на более высокую социальную ступень был связан с занятием должности в низовых органах власти и управления (21,1 %). Это были, как правило, председатели и члены волкомов и волисполкомов, заведу-

**Вертикальная мобильность коммунистов
Екатеринбургской губернии в 1917–1922 гг., %**

Социальное положение	Минимальный статус	Максимальный статус	Социальное положение на момент опроса
руководитель высшего звена	–	6,3	5,4
руководитель среднего звена	1,3	14,4	9,2
руководитель низшего звена	9,3	21,1	22,5
специалист	6,8	5,1	5,0
служащий	11,9	7,6	11,2
мл.обслуж.персонал	1,7	–	0,4
квалиф.рабочий	21,2	3,8	10,0
неквалифиц.рабочий	7,2	1,3	2,9
ВОХР	5,1	3,0	4,6
военнослужащий (рядовой)	3,8	–	4,0
крестьянин	26,3	–	15
домохозяйка	3,0	–	2,1
учащийся, студент	2,1	0,8	4,2
безработный	0,4	–	3,3

ющие отделами этих волостных организаций, руководители сельсоветов и сельскохозяйственных артелей и т.п. Следующая по значимости группа – ответственные работники уездного уровня (14,4 %), самой высокой социальной ступеньки – работников губернского масштаба – смогли достичь 6,3 % коммунистов. Остальная часть губернских коммунистов сделала социальную карьеру в результате перехода в разряд специалистов (квалифицированных служащих) или служащих – 12,7 %, а также рабочих – 5,1 %.

Возникает вопрос: представители каких социальных слоев имели наиболее благоприятные возможности для повышения своего социального статуса в новом обществе. Ответить на него позволяет сопоставление социального положения коммунистов до 1917 г. и в 1922 г. Наиболее успешным карьерный путь был у рабочих-пролетариев, именно им удалось кардинально изменить свой социальный статус и войти в управленческую когорту нового режима. Они стали руководителями губернского и уездного уровня (60 % руководителей до 1917 г. были рабочими). Больше рабочих и среди руководителей низшего звена – 46,3 %, однако

37 % руководителей этого ранга до 1917 г. были крестьянами, в основном они заняли места председателей сельсоветов, секретарей волисполкомов, членов волкомов и т.д. Таким образом, больше возможностей для карьерного роста имелось в городе, для большинства сельских коммунистов карьера ограничивалась волостным уровнем.

Хотя даже такой карьерный успех выходцев из крестьянской среды вызывал озабоченность партийных органов. Тем более, что это происходило на фоне значительного оттока из партии рабочих. Уралбюро ЦК РКП (б) в своем секретном отчете в Москву за май 1922 г. обращало внимание на то, что за первое полугодие текущего года только из Екатеринбургской уездно-городской организации вышло 182 члена и 35 кандидатов⁵. «Данные Всероссийской партпереписи Уральской области, – отмечают авторы отчета, – доказывают, что на пролетарском Урале рабочие ячейки по своему количеству и по количеству членов в них стоят на третьем месте; впереди идут советские и военные. К этому надо добавить еще, что среди ответственных работников преобладают крестьяне по своему социальному происхождению»⁶. Также достаточно активно в губернии в послереволюционный период шло заполнение выходцами из рабочей и крестьянской среды категории служащих. В 1922 г. среди губернских служащих было 43,6 % бывших рабочих и 30,8 % – бывших крестьян. Явно прослеживается тенденция послереволюционной эпохи: у губернских коммунистов-выходцев из рабочих и крестьян наблюдается восходящая вертикальная мобильность, они наиболее активно меняют свой социальный статус в стороны его повышения.

В то же время для коммунистов губернии нисходящая социальная карьера, как правило, не была связана с их переходом в ряды рабочих или крестьян. Это означает, что все их перемещения вверх или вниз по карьерной лестнице происходили в основном внутри слоя руководящих работников губернии и частично затрагивали категорию служащих. Ведь в 1922 г. коммунисты-крестьяне по роду занятий на 83,3 % состояли из людей, которые и до революции являлись крестьянами и еще на 13,9 % из бывших рабочих. В свою очередь подавляющее число коммунистов, принадлежавших к рабочему классу на момент проведения переписи, до 1917 г. по своему социальному положению также являлись рабочими – 93,6 % и лишь незначительная часть была в то время крестьянами – 6,4 %, т.е. выходцы из этих социальных слоев поднявшись на более высокую социальную ступень обратно практически не опускались. Характер та-

кой вертикальной мобильности свидетельствует о зарождении нового социального института советского общества – номенклатуры. В начальный период своего формирования он был достаточно открытым для определенных социальных групп. Наиболее благоприятные возможности доступа в ряды номенклатуры имели выходы из рабочей среды, крестьяне-бедняки. Однако представители других социальных слоев при определенной настойчивости также имели шанс попасть в новую партийно-государственную элиту советской политической системы.

Примечания

- 1 Коржихина Т.П., Сенин А.С. История российской государственности. М., 1995. С.245.
- 2 Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С.25.; см. также: Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
- 3 Кравченко А.И. Основы социологии: Учебное пособие. М., 1998. С.141.
- 4 Сорокин П. Социальная и культурная мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. С.386–387.
- 5 ЦДООСО. Ф.1494. Оп.1. Д.78. Л.39.
- 6 Там же.

*Гаврилов Д.В.
(Екатеринбург)*

СРЕДНЕУРАЛЬСКИЙ ТАНКОГРАД

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. танки являлись главной ударной и маневренной силой сухопутных войск, сыграли основную роль в осуществлении важнейших наступательных операций Советской Армии.

Решающую роль массированного применения танков для исхода современной войны предсказал в 1937 г. германский генерал Хейнц Гудериан в книге «Ахтунг, панцер!» («Внимание, танки!», русский перевод «Танки – вперед!». М., 1957), разработавший доктрину «блицкрига» – «молниеносной войны», согласно которой успех должен достигаться действиями мощных танковых группировок: их прорывом на узких участках обороны противника, выходом на оперативный простор, стремительным продвижением – при поддержке штурмовой авиации – в глубь территории противника, окружением больших группировок его войск, с